

Научная статья

УДК 340(02)

DOI 10.17150/1819-0928.2023.24(2).164-171

EDN VCGFTW

Соматические права человека – результат расширения сферы правового регулирования?

Екатерина Сергеевна Зайцева*Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия**zay_tseva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0688-2967>*

АННОТАЦИЯ

Процессы формирования и дальнейшего закрепления прав человека, в том числе соматических, предполагают их изначальное существование в форме правоприязаний. Взаимосвязь соматических правоприязаний и расширения сферы правового регулирования имеет сложный диалектический характер. Далеко не всегда появление тех или иных правоприязаний и дальнейшее их закрепление в качестве субъективных прав является результатом расширения сферы правового регулирования. Все соматические правоприязания в их взаимосвязи со сферой правового регулирования можно разделить на три группы. Первая группа – соматические правоприязания, появившиеся в результате расширения сферы правового регулирования, обусловленного научно-технологическим прогрессом, порождающим качественно новые формы общественных отношений, в том числе непосредственно затрагивающие правовое положение личности в обществе и государстве. Вторая группа – соматические правоприязания, которые являются результатом изменения видения сферы правового регулирования, обусловленного развитием человеческой цивилизации и сменой морально-этических и ценностных доминант в обществе. Третья группа – это правоприязания, вытекающие из общественных отношений, не имеющих правовой природы, в результате обозначения которых возможно искусственное расширение сферы правового регулирования. Морально-этический компонент, сопровождающий соматические правоприязания человека, усложняет процессы их формального закрепления и обуславливает отсутствие единого подхода к правовому регулированию этих вопросов, вызванного историческими, религиозными, ментальными особенностями развития отдельных обществ и государств. Каждое государство при переходе соматических правоприязаний в нормативную правовую форму субъективных прав должно рассматривать их с точки зрения соответствия критерию моральной правильности. Ответственность за принятие подобных решений вместе с государством должно брать на себя и общество путем использования делиберативных процедур в процессе правообразования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

соматические права, пределы правового регулирования, сфера правового регулирования, правоприязания, права человека

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Зайцева Е.С. Соматические права человека – результат расширения сферы правового регулирования? // Академический юридический журнал. 2023. Т. 24, № 2. С. 164–171. DOI 10.17150/1819-0928.2023.24(2).164-171. EDN VCGFTW

Original article

Somatic human rights – the result of the legal regulation scope expansion?

Ekaterina S. Zaitseva*St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia**zay_tseva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0688-2967>*

ABSTRACT

The processes of formation and further consolidation of human rights, including somatic ones, presuppose their initial existence in the form of legal claims. The relationship between somatic legal claims and the expansion of the scope of legal regulation has a complex dialectical character. The emergence of certain legal claims and their further consolidation as subjective rights is not always the result of expanding the scope of legal regulation. All somatic claims can be divided into three groups according to their relationship with the

© Зайцева Е.С., 2023

sphere of legal regulation. The first group is somatic legal claims, which appeared as the result of the expansion of the scope of legal regulation, due to scientific and technological progress, giving rise to qualitatively new forms of social relations, including those directly affecting the legal status of the individual in society and the state. The second group is somatic legal claims, which are the result of a change in the vision of the sphere of legal regulation, due to the development of human civilization and the change in moral, ethical and value dominants in society. The third group is legal claims arising from social relations that do not have a legal nature, as the result of the designation of which an artificial expansion of the scope of legal regulation is possible. The moral and ethical component that accompanies the somatic claims of a person complicates the processes of their formal consolidation and causes the lack of a unified approach to the legal regulation of these issues, due to the historical, religious, mental features of the individual societies and states development. Each state in the transition of somatic legal claims to the normative legal form of subjective rights must consider them from the point of view of their compliance with the criterion of moral correctness. Responsibility for making such decisions, together with the state, should be assumed by society, by using of deliberative procedures in the process of law formation.

KEY WORDS

somatic rights, limits of legal regulation, scope of legal regulation, legal claims, human rights

FOR CITATION

Zaitseva E.S. Somatic human rights – the result of the legal regulation scope expansion? *Akademicheskiiy yuridicheskiiy zhurnal* = *Academic Law Journal*. 2023;24(2):164–171. (In Russian). DOI 10.17150/1819-0928.2023.24(2).164-171. EDN VCGFTW

Введение

Права человека являются важным, неотделимым и неперенным компонентом объективного права, субъективно-историческим аспектом проявления его сущности как специфической формы социального управления. Право без прав человека также немисливо, как и права человека без и вне его [1, с. 22]. Именно поэтому взаимообусловленность прав человека и расширения сферы правового регулирования – тезис, который вряд ли нуждается в особых доказательствах. Ю. Хабермас, выделяя четыре этапа эволюционного расширения сферы правового регулирования, как минимум два из них связывает с предоставлением и закреплении прав человека и гражданина. В частности, на втором этапе расширение сферы правового регулирования является, по его мнению, результатом буржуазных революций и формирования правового государства, предполагающего закреплении политических и экономических гарантий от вторжения власти. На третьем этапе расширение сферы правового регулирования происходит за счет предоставления гражданам всеобщего избирательного права [2, с. 103]. На первый взгляд, очевидны и причинно-следственные связи: сфера правового регулирования формируется в результате появления общественных отношений, имеющих правовую природу [3, с. 96–106]; субъекты этих отношений имеют определенные правовые притязания, которые, получив формальное закреплении, приобретают статус субъективных прав. Таким образом можно утверждать, что права человека являются результатом расширения сфе-

ры правового регулирования. Вместе с тем, что является причиной, а что следствием, и во всех ли случаях эти причинно-следственные связи проявляются одинаково? На наш взгляд, ответы на эти вопросы не так однозначны и требуют дополнительного осмысления. Предлагаем рассмотреть обозначенную проблему на примере соматических прав.

Результаты исследования

Вторая половина XX века ознаменовалась появлением новой группы прав человека, обозначенных как соматические, которые в совокупности с некоторыми иными правами, например генетическими [2, с. 104] и цифровыми [4, с. 45], по мнению ряда исследователей, образуют новое, самостоятельное, четвертое поколение прав человека. Если посмотреть научную литературу, освещающую проблему соматических прав, то, как правило, их появление связывается с научно-технологическим прогрессом, произошедшим во второй половине XX века [5, с. 124; 6, с. 124–128; 7, с. 69], вследствие которого и происходит расширение сферы правового регулирования. Действительно, научно-технический прогресс меняет реальность, в том числе и правовую. Новые технические способы распространения информации меняют контуры гражданско-правового регулирования, необходимость контроля интернет-отношений приводит к развитию административного права, появление и развитие киберпреступности обуславливает необходимость закреплении новых составов преступления [8, с. 199], и т. д. Именно

научно-технологический прогресс в медицине, позволяющий вмешиваться в жизнедеятельность человеческого организма (трансплантология, генетика, искусственное оплодотворение, пересадка эмбриона и т. д.), обуславливает расширение сферы правового регулирования, появление и закрепление соматических прав.

Соматические права можно определить как группу прав человека, предусматривающих признанную обществом и государством возможность принимать юридически значимые решения в отношении собственного тела при помощи достижений биологии, медицины, техники и т. п. [9, с. 42]. Своеобразие природы соматических прав определяется тем, что «человек не только претендует на радикальное изменение первоначальной целостности, но также выдвигает определенные претензии к обществу» [10, с. 43], в основе которых лежит мировоззренческая уверенность самостоятельно распоряжаться своим телом [Там же]. Обозначенная претензия выражается в форме правообразующего правопритязания, которое предполагает наличие волевого, мотивированного, сознательного усилия, обретающего смысл своего существования именно по отношению к «другим» [11, с. 245].

Общей тенденцией, характерной не только для четвертого поколения прав человека, ядром которого являются соматические права, но и для всех предыдущих поколений прав, является их изначальное существование в форме правопритязаний, требующих формального закрепления и, как следствие, гарантированности и охраны. Но притязания — это еще не права, и далеко не все притязания могут и должны приобретать статус прав. Как справедливо отмечается, иногда выделение «новомодных» прав исходит из вульгарного и деформированного представления о естественных правах, отождествляющего права и физиологические возможности индивида [4, с. 47]. Более того, процессы позитивации соматических правопритязаний не являются универсальными и вызывают много вопросов, в том числе связанных с необходимостью самой позитивации. В свою очередь необходимость формального закрепления соматических правопритязаний предполагает оценку правовой природы общественных отношений, их детерминирующих и в итоге определяющих включение в сферу правового регулирования. Эта оценка имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку именно в настоящее время происходит «социальный отбор» соматических правопритязаний, находящихся в стадии генерации,

предполагающий их дальнейшее закрепление, обеспечение и защиту [Там же].

С этой точки зрения соматические правопритязания можно разделить на три группы.

Первая группа. Это те правопритязания, появление которых обусловлено расширением сферы правового регулирования в результате развития новых медицинских технологий. К ним следует отнести позитивные репродуктивные правопритязания (искусственное оплодотворение, суррогатное материнство), правопритязания, связанные с трансплантацией органов, операциями по смене пола. Все эти факты существуют, отношения, возникающие на их основе, имеют правовую природу, что и обуславливает потребность их закрепления. Несмотря на то, что в разных государствах эти процессы протекают по-разному, можно отметить общую тенденцию позитивации данных правопритязаний. Например, возможность искусственного оплодотворения законодательно предусмотрена в подавляющем большинстве современных государств, таких как Германия, Франция, США, Испания, Чехия, Израиль, Беларусь и многих других. Право на искусственное оплодотворение и имплантацию эмбриона предоставляется и в Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹. Аналогичная ситуация наблюдается при регулировании вопросов изъятия органов и (или) тканей для трансплантации. Более осторожным можно назвать правовое регулирование, связанное с переменой пола. Некоторые государства прямо говорят о наличии такой возможности. Согласно статье 19 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении»² изменение и коррекция половой принадлежности проводятся по желанию совершеннолетнего пациента в государственных организациях здравоохранения в порядке, определяемом Министерством здравоохранения. В некоторых случаях при отсутствии прямого закрепления субъективного права говорят о такой возможности косвенно. В частности, в статье 70 Федерального закона «Об актах гражданского состояния»³ предусматривается возможность внесения изменений в запись акта гражданского со-

¹ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федер. закон от 21 нояб. 2011 г. № 323-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

² О здравоохранении : Закон Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-XII. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=v19302435> (дата обращения: 20.03.2023).

³ Об актах гражданского состояния : Федер. закон от 15 нояб. 1997 г. № 143-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1997. № 47. Ст. 5340.

стояния в случае изменения пола. При этом в качестве сопутствующей тенденции можно отметить существенную пробельность при регулировании подобных вопросов, обусловленную как объективными причинами, связанными с их новизной, так и субъективными, связанными с морально-этической составляющей и боязнью законодателя показаться либо излишне прогрессивным, либо излишне консервативным. Это можно увидеть и на примере правового регулирования суррогатного материнства. С одной стороны, Семейный кодекс Российской Федерации⁴ предоставляет такую возможность, с другой стороны, многие годы в российском законодательстве не находят отражения целый ряд вопросов и проблем, с этим связанных, в частности такие, как права и обязанности суррогатной матери и генетических родителей, форма договора о суррогатном материнстве и его правовая природа [12, с. 145].

Вторая группа. Специфика этой группы притязаний обусловлена тем, что они связаны не с появлением новых общественных отношений, сопровождающих их фактов и обстоятельств, демонстрирующих объективное расширение сферы правового регулирования, а с трансформацией видения этой сферы под воздействием мировоззренческих изменений морально-ценностного характера. К числу таких правопритязаний можно отнести право на смерть в форме эвтаназии, негативные репродуктивные права (право на аборт, стерилизация). Эти отношения и проблемы, из них вытекающие, существовали всегда, но с течением времени меняется взгляд на решение этих проблем с помощью правовых средств. Применительно к этой группе правопритязаний, как правило, правовое регулирование предполагает наличие диаметрально противоположных позиций — от их полного отрицания и, соответственно, правового запрещения — до абсолютного признания и возможности прямого разрешения. Неслучайно отмечается, что применительно к этим вопросам единой позиции не будет никогда, и это нормально [5, с. 137]. Стоит отметить, что и у сторонников, и у противников есть достаточное количество веских аргументов, что находит отражение и в законодательстве различных государств. В ряде стран (Бельгия, Канада, Испания, Новая Зеландия, многих других) на рубеже XX–XXI века законодатель выразил свое отношение к пассивной эвтаназии, предоставив такую возможность. В 2002 году Нидерланды

стали первой страной в мире, допустившей активную эвтаназию. В то же время в Российской Федерации в соответствии со статьей 45 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»⁵ эвтаназия запрещена. Аналогичная ситуация в Великобритании, Белоруссии, Румынии, Сербии и др.

Наличие противоположных подходов демонстрирует и отношение государств к праву на аборт. Большинство государств выступает за признание этого права. В частности, в Российской Федерации право на аборт выводится из части 2 статьи 17 Конституции РФ, согласно которой основные права и свободы человека принадлежат каждому от рождения. В соответствии со статьей 36 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» каждая женщина имеет право самостоятельно решать вопрос о материнстве. В Ирландии запрет на аборт был исключен из Конституции Республики Ирландия только в 2018 году, после длительной общественной дискуссии [2, с. 107–108]. В ряде государств аборт до сих пор находится под запретом (Мальта, Ирак, Никарагуа, Сенегал, Палестина, Филиппины и др.).

Третья группа. К числу соматических правопритязаний относят и те, которые, на наш взгляд, находятся за пределами сферы правового регулирования и не требуют формального закрепления. К ним мы относим прежде всего так называемые сексуальные права, а также право на смерть в форме самоубийства. Данная ситуация — это попытка необоснованного расширения сферы правового регулирования за счет обозначения притязаний применительно к отношениям, не имеющим правовой природы. Полагаем, что появление подобных правопритязаний связано с желанием использовать авторитет права для закрепления в качестве нормы того, что всегда присутствовало в человеческом обществе, но нормой не являлось.

Таким образом, во-первых, соматические права являются результатом расширения сферы правового регулирования, обусловленного научно-технологическим прогрессом, порождающим качественно новые формы общественных отношений, в том числе непосредственно затрагивающие правовое положение личности в обществе и государстве. Во-вторых, соматические права являются результатом изменения видения сферы правового регулирования, обусловленного

⁴ Семейный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

⁵ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федер. закон от 21 нояб. 2011 г. № 323-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

развитием человеческой цивилизации и сменой морально-этических и ценностных доминант в обществе [13, с. 32], что в итоге приводит к переосмыслению ряда притязаний и переходу их в разряд правовых. В-третьих, возможна и обратная причинно-следственная связь, когда происходит искусственное расширение сферы правового регулирования как следствие обозначения правопритязаний соматического характера.

Основу для закрепления соматических правопритязаний заложили международно-правовые акты, такие как Всеобщая декларация прав человека (1948) и Конвенция о соблюдении прав человека и фундаментальных свобод (1950), Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины (Конвенция о правах человека и биомедицине) (1997), Всеобщая декларация ЮНЕСКО о геноме человека и правах человека (1997) и др.

Следует отметить, что в любом случае появление соматических правопритязаний и их дальнейшая позитивация — результат глобальных изменений, произошедших в жизни общества в XX веке. С одной стороны, это изменения научно-технологического характера, с другой, — глобальные изменения ценностей, которыми ознаменовались последние десятилетия XX века. В свою очередь изменение ценностей, по мнению известного социолога и политолога Рональда Инглхарта, является следствием достижения высокого уровня экономической безопасности населения стран, первыми осуществивших индустриализацию и постепенно делавших упор на постматериальные ценности. Глубинные сдвиги в системе ценностей очень сильно повлияли на многие личностные права, связанные с семьей, сексуальными отношениями. Изначально многие правила, касающиеся межличностных гендерных отношений и семьи, сформировались под воздействием внешних и, прежде всего, социально-экономических факторов и связаны с проблемой выживания. Традиционная семья — это в первую очередь средство продолжения рода, обеспечивающее выживание детей и дальнейшее существование общества. В условиях высокого уровня экономической безопасности ценность семьи именно как гаранта продолжения существования общества упала, отсюда изменилось и отношение к гендерным проблемам, сексуальным нормам, в том числе связанным с положением женщин (аборты), существованием сексуальных меньшинств и т. п. Ощущение безопасности снизило потребность в абсолютных

правилах. Развитие эффективной технологии регулирования рождаемости вместе с повышением благосостояния подорвали функциональную основу традиционных норм в этой области, в результате наметился общий сдвиг в сторону их большей гибкости для индивидуального выбора в сфере сексуального поведения [14, с. 20–24].

Права человека — это в принципе эτικο-правовая конструкция, предполагающая сосуществование правовых и этических элементов. Переплетение правовых и моральных ценностей, сочетаясь, обогащают ее смысл [15, с. 242]. В соматических правах это проявляется особенно явно, так как рассматриваемые права отличаются сугубо личным характером и тесной взаимосвязью с природой человека, сопряженной с целым комплексом морально-этических и духовных проблем [5, с. 136]. Именно поэтому многие соматические права сегодня воспринимаются совсем иначе, чем это было 20–30 лет назад, не говоря уже о более раннем периоде развития общества. Появляются новые оценки этих прав [16, с. 30]. И именно поэтому говорится о необходимости критерия моральной правильности для перехода соматических притязаний в нормативную правовую форму соматических прав [13, с. 34]. Очевидно, что универсального понимания моральной правильности быть не может и она во многом определяется историческими, религиозными, ментальными особенностями развития общества. Как отметил профессор В.И. Крусс: «всякая попытка последовательной юридикации (средствами позитивного права) отношений, связанных с пользованием «соматическими» правами, ведет либо в логический тупик, либо к решению безусловно аморальному» [10, с. 45].

И здесь возникает другая проблема: кто должен определять соответствие правопритязаний критерию моральной правильности, кто должен решать, что в данном обществе, на данном этапе исторического развития аморально, а что нет. Как показывает практика, государство далеко не всегда готово брать на себя ответственность за разработку механизма практической реализации соматических прав [5, с. 139]. Полагаем, что ответственность за такое решение вместе с государством должно брать на себя и общество, путем использования делиберативных процедур в процессе правообразования. Примером такой процедуры может служить современная технология правотворческого краудсорсинга, позволяющая соотносить позиции общества и государства относительно возможности и особенностей регулирования столь тонкой сферы общественных

отношений. Стоит заметить, что краудсорсинг — это технология, которая стала доступна благодаря цифровизации общественной жизни. Но сама идея, заложенная в ее основу, не нова и является современным инструментом выявления общественного мнения, значимость изучения которого с точки зрения установления пределов сферы правового регулирования определяется тем, что дает представление о нормообразующих интересах, во многом определяющих эти пределы. И если в конце XX века исследователи задавались вопросом, как выявить нормообразующий интерес с помощью эмпирических методов исследования, предлагая проследить путь его генезиса от изучения интересов различных участников социального общения и пытаясь на этой основе сконструировать нормативную модель компромисса, которая впоследствии будет проверяться путем изучения (с помощью опроса, эксперимента и т.п.) готовности субъектов общения воспринимать соответствующую норму, с учетом того, что возможностей практического применения подобных вариантов научного моделирования нет [17, с. 62–63], то в начале XXI века такая возможность появилась. Правотворческий краудсорсинг — технология, предоставляющая возможность не только коллективно конструировать такую модель, определяя зоны конфликтов в процессе ее формирования, параллельно выбирая и оценивая наиболее приемлемые для разных сторон варианты их решения, но и проверять готовность субъектов воспринимать смоделированные нормы. Более того, краудсорсинг дает возможность увидеть общество в миниатюре, где представлены разные интересы, смоделировать возможные конфликтные ситуации, а также варианты поиска общественного согласия и оптимального выхода из этих ситуаций для разных сторон.

Выводы

Таким образом, общей тенденцией, характерной для процессов формирования и дальнейшего закрепления прав человека, в том числе соматических, является их существование в форме

правопритязаний. Взаимосвязь соматических правопритязаний и расширение сферы правового регулирования имеет сложный диалектический характер. Далеко не всегда появление тех или иных притязаний и дальнейшее их закрепление в качестве субъективных прав является результатом расширения сферы правового регулирования. Все соматические правопритязания в их взаимосвязи со сферой правового регулирования можно разделить на три группы. Первая группа — соматические правопритязания, появившиеся в результате расширения сферы правового регулирования, обусловленного научно-технологическим прогрессом, порождающим качественно новые формы общественных отношений, в том числе непосредственно затрагивающие правовое положение личности в обществе и государстве. Вторая группа — соматические правопритязания, которые являются результатом изменения видения сферы правового регулирования, обусловленного развитием человеческой цивилизации и сменой морально-этических и ценностных доминант в обществе. Третья группа — это правопритязания, вытекающие из общественных отношений, не имеющих правовую природу, в результате обозначения которых возможно искусственное расширение сферы правового регулирования. Морально-этический компонент, сопровождающий соматические правопритязания человека, усложняет процессы их позитивации и обуславливает отсутствие единого подхода к правовому регулированию этих вопросов, что вызвано историческими, религиозными, ментальными особенностями развития отдельного общества и государства. Ответственность за принятие подобных решений вместе с государством должно брать на себя и общество, используя делиберативные процедуры в процессе правообразования. Примером такой процедуры может служить современная технология правотворческого краудсорсинга, позволяющая соотнести позиции общества и государства относительно возможности и особенностей регулирования столь тонкой сферы общественных отношений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Нерсесянц В.С. Права человека в истории политической и правовой мысли (от древности до Декларации 1789 г.) / В.С. Нерсесянц // Права человека в истории человечества и в современном мире. — Москва : Изд-во ИГиП АН СССР, 1989. — С. 21–29.
2. Денисенко В.В. Делиберативность и алеаторные процедуры как легитимация соматических прав человека: опыт Республики Ирландия и Австралийского Союза / В.В. Денисенко, Е.Н. Трикоз. — DOI 10.31857/S102694520024101-2. — EDN ZJAHDA // Государство и право. — 2023. — № 1. — С. 100–113.
3. Зайцева Е.С. Пределы правового регулирования (общетеоретический аспект) / Е.С. Зайцева. — Омск : Изд-во Омской акад. МВД России, 2020. — 153 с. — EDN CTQNRO.

4. Велиева Д.С. «Поколения» прав человека: проблема предметной определенности концепта «основные права» / Д.С. Велиева, М.В. Пресняков. — EDN FOAGWM // Система конституционного права современной России: ценности, принципы, институты и нормы : материалы XI Междунар. форума., — Саратов, 10 дек. 2019 г. — Саратов, 2020. — С. 43–47.
5. Бободжонзода И.Х. О правовой природе частей тела и тканей человека и соматические права как объекты гражданского права / И.Х. Бободжонзода, Ш.Т. Тагайназаров, А.М. Диноршев. — EDN RSSKXM // Правовая жизнь. — 2019. — № 2. — С. 123–140.
6. Гребенщикова Я.С. Соматические права как закономерный этап развития прав человека / Я.С. Гребенщикова. — DOI 10.23672/SAE.2019.5.31430. — EDN JGWERR // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2019. — № 5. — С. 124–128.
7. Абашидзе А.А. Новое поколение прав человека: соматические права / А.А. Абашидзе, А.М. Солнцев. — EDN KARGZB // Московский журнал международного права. — 2009. — № 1. — С. 69–82.
8. Ищенко Е.П. Высокие технологии и криминальные вызовы / Е.П. Ищенко, Н.В. Кручинина. — DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(2).199-206. — EDN HCUXZN // Российский криминологический журнал. — 2022. — Т. 16, № 2. — С. 199–206.
9. Поцелуев Е.Л. Новое поколение прав человека в современном государстве: понятие, признаки, виды / Е.Л. Поцелуев, Е.С. Данилова. — EDN YVDPIT // Идеи и принципы Всеобщей декларации прав человека: состояние и перспективы реализации, национальный и международный опыт : материалы ежегод. Всерос. науч.-практ. конф., Иваново, 13 дек. 2018 г. — Иваново, 2018. — С. 36–45.
10. Красс В.И. Личностные («соматические») права человека в конституции и философско-правовом измерении: к постановке проблемы / В.И. Красс // Государство и право. — 2000. — № 10. — С. 43–50.
11. Мазуров И.И. Методологические основания понимания концепта «правопритязание» в современной теории права / И.И. Мазуров. — DOI 10.24411/2078-5356-2018-10340. — EDN YKLCRN // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2018. — № 3. — С. 242–247.
12. Сравнительный анализ института суррогатного материнства в Российском и зарубежном законодательстве / Т.А. Мосиенко, К.И. Лысогорская, О.С. Федоренко, Е.Н. Шекина. — EDN YSEEOF // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). — 2016. — № 4. — С. 142–148.
13. Деркач Н.Г. Соматические права в системе прав человека / Н.Г. Деркач, Д.И. Луковская. — EDN BMFVUB // Юридическая наука: история и современность. — 2019. — № 1. — С. 30–36.
14. Инглхарт Р. Постмодерн: Меняющиеся ценности и изменяющиеся общества / Р. Инглхарт. — EDN ESCOIL // Полис. Политические исследования. — 1997. — № 4. — С. 6–32.
15. Права человека : учебник / под ред. Е.А. Лукашевой. — Москва : Норма, 2001. — 573 с.
16. Василевич Д.Г. Соматические права как предмет прокурорского надзора / Д.Г. Василевич. — EDN XAHUVP // Конституционные идеалы и ценности в практической демократии : материалы XII Междунар. науч.-практ. конф., Самара, 29 сент. 2016 г. / под ред. В.В. Полянского, В.Э. Волкова. — Самара, 2017. — С. 30–37.
17. Кудрявцев В.Н. Современная социология права / В.Н. Кудрявцев, В.П. Казимирчук. — Москва : Юрист, 1995. — 303 с. — EDN ZGVXEP.

REFERENCES

1. Nersesyants V.S. Human rights in the history of political and legal thought (from ancient times to the 1789 Declaration). Human rights in the History of Mankind and the modern world. Moscow, Institut gosudarstva i prava AN SSSR Publ., 1989. pp. 21–29.
2. Denisenko V.V., Trikoz E.N. Deliberativity and Aleatory Procedures as a Legitimation of Somatic Human Rights: Experience of the Republic of Ireland and the Commonwealth of Australia. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2023, no. 1, pp. 100–113. (In Russian). EDN: ZJAHDA. DOI: 10.31857/S102694520024101-2.
3. Zaitseva E.S. Limits of legal regulation (general theoretical aspect). Omsk, Academy of the MIA of Russia Publ., 2020. 153 p. EDN: CTQNRO.
4. Velieva D.S., Presnyakov M.V. «Generations» of Human Rights: the Problem of the Subject Definiteness of the Concept of «Basic Rights». The system of constitutional law of modern Russia: values, principles, institutions and norms. *Materials of the XI International Forum, Saratov, December 10, 2019*. Saratov, 2020, pp. 43–47. (In Russian). EDN: FOAGWM.
5. Bobodzhonzoda I.Kh., Tagainazarov Sh.T., Dinorshev A.M. On the Legal Nature of Human Body Parts and Tissues and Somatic Rights as Objects of Civil Law. *Pravovaya zhizn' = Legal life*, 2019, no. 2, pp. 123–140. (In Russian). EDN: RSSKXM.
6. Grebenshchikova Ya.S. Somatic Rights as Natural Stage of Development of Human Rights. *Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, Social-Economic and Social Sciences*, 2019, no. 5, pp. 124–128. (In Russian). EDN: JGWERR. DOI: 10.23672/SAE.2019.5.31430. Abashidze A.A., Solntsev A.M. New Generation of Human Rights: Somatic Rights. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava = Moscow Journal of International Law*, 2009, no. 1, pp. 69–82. (In Russian). EDN: KARGZB.
7. Ishchenko E.P., Kruchinina N.V. High-Tech and Criminal Challenges. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2022, vol. 16, no. 2, pp. 199–206. (In Russian). EDN: HCUXZN. DOI: 10.17150/2500-4255.2022.16(2).199-206.

8. Potseluev E.L., Danilova E.S. A new generation of human rights in a modern State: concepts, attributes, types. Ideas and principles of the Universal Declaration of Human Rights: state and prospects, national and international experiences. *Materials of Annual International Scientific Conference, Ivanovo, December 13, 2018*. Ivanovo, 2018, pp. 36–45. (In Russian). EDN: YVDPIT.
9. Kruss V.I. Personal («somatic») human rights in the constitution and philosophical and legal dimension: on the setting of the problem. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2000, no. 10, pp. 43–50. (In Russian).
10. Mazurov I.I. Methodological Grounds for Understanding the Concept of «Legal Claim» in the Modern Theory of Law. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Legal science and practical: Journal of Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*, 2018, no. 3, pp. 242–247. (In Russian). EDN: YKLCRN. DOI: 10.24411/2078-5356-2018-10340.
11. Mosienko T.A., Lysogorskaya K.I., Fedorenko O.S., Shchekina E.N. Comparative Analysis of Institute Surrogate Motherhood in Russian and Foreign Legislation. *Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Vestnik of Rostov State University*, 2016, no. 4, pp. 142–148. (In Russian). EDN: YSEEOF.
12. Derkach N.G., Lukovskaya D.I. Somatic Rights in Human Rights System. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' = Legal science: history and the presence*, 2019, no. 1, pp. 30–36. (In Russian). EDN: BMFVUB.
13. Inghart R. Postmodernity: Changing Values and Changing Societies. *Polis. Politicheskie issledovaniya = Polis. Political Studies*, 1997, no. 4, pp. 6–32. (In Russian). EDN: ESCOIL
14. Lukasheva E.A. (ed.) Human rights. Moscow, Norma Publ., 2001. 573 p.
15. Vasilevich D.G. Somatic rights as the subject of prosecutorial supervision. Polyanskii V.V., Volkov V.E. (eds). Constitutional ideals and values in practical democracy. *Materials of International Scientific Conference, Samara, September 29, 2016*. Samara, 2017, pp. 30–37. (In Russian).
16. Kudryavtsev V.N. Contemporary sociology of law. Moscow, Norma Yurist., 1995. 303 p. EDN: ZGVXEP.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Екатерина Сергеевна Зайцева — кандидат исторических наук, доцент, докторант научно-исследовательского отдела. Санкт-Петербургский университет МВД России. 198206, Россия, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina S. Zaitseva — PhD in History, Associate Professor, a doctoral student in research Department. St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 1, Pilot Pilyutova st., St. Petersburg, Russia, 198206.

Поступила в редакцию / Received 30.03.2023

Доработана после рецензирования / Revised 15.05.2023

Принята к публикации / Accepted 22.06.2023